

Монтепен Ксавье де

Чревовещатель

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К86

К86 **Ксавье де М.**
Чревовещатель / Монтепен Ксавье де – М.: Книга по Требованию, 2025. –
377 с.

ISBN 978-5-519-97308-3

ISBN 978-5-519-97308-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

пристроекъ лишь съ трудомъ могло быть угадано снаружи: такъ глубоко они скрыты окружающею ихъ массивною и роскошною растительностью.

25-го сентября 1874 года было одно изъ тѣхъ чудесныхъ и прекрасныхъ осеннихъ утрѣ, въ которыя радостные и веселые лучи полускрытаго облачками солнца наполняютъ пожелтѣвшія поля, луга и лѣса тепловатымъ и пріятнымъ свѣтомъ. Веселый и добродушный здоровякъ остановился передъ рѣшеткою замка и сильною рукою позвонилъ въ колокольчикъ.

Пока ему отопруть, познакомимся съ наружностью нашего незнакомца.

Около двадцати пяти лѣтъ отъ роду, очень смуглый, съ усами, съ бородой, бритой тому недѣлю назадъ, нашъ незнакомецъ одѣтъ былъ въ сѣрую блузу, съ соломенною, широкою шляпою на головѣ, и въ толстыхъ башмакахъ изъ желтой кожи съ голенищами до колѣнъ. На лѣвомъ плечѣ у него висѣла тяжелая, съ виду, охотничья сумка, а на правомъ старинное двухствольное ружье. За нимъ слѣдовала большая лягавая собака, почему-то казавшаяся особенно поджарой.

Въ ту самую минуту, какъ незнакомецъ позвонилъ въ колокольчикъ, на церковной колокольнѣ, находившейся прямо противъ замка, на противоположномъ концѣ городка, пробило восемь часовъ.

Прибавимъ кстатѣ, что Рошвилль уже три года принадлежалъ г-ну Домера, богатому содержателю судовъ въ Гаврѣ. Вдовый и бездѣтный, г-нъ Домера всю свою способность любить и всѣ свои привязанности перенесъ на своего племянника и свою племянницу—сиротъ,

не имѣвшихъ никакого состоянія, Леонтину и Жоржа Прадель.

Какъ ни былъ г-нъ Домера поглощенъ своими обширными торговыми дѣлами, онъ ежегодно находилъ время провести нѣсколько недѣль въ Рошвиллѣ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался его владѣльцемъ.

Въ отсутствіе г-на Домера изъ Рошвилля, наблюденіе за замкомъ, паркомъ и садами было ввѣрено Жаку Ландри, старому моряку, сдѣлавшемуся управителемъ, садовникомъ, повѣреннымъ, словомъ вседѣющимъ фактотумомъ, и его дочери, Маріеттѣ Ландри, крестницѣ г-на Домера, прекрасному и доброму созданью.

Жоржъ Прадель, племянникъ г-на Домера, имѣя двадцать пять лѣтъ отъ роду, былъ теперь лейтенантомъ зуавовъ и съ 1871 года находился съ своимъ полкомъ въ Африкѣ, въ Алжирской провинціи.

Леонтина была гораздо моложе своего брата. Она едва еще достигла только своего семнадцатаго года жизни и только что окончила свое образованіе въ одномъ изъ большихъ парижскихъ пансіоновъ. Радостная своимъ недавнимъ освобожденіемъ изъ пансіона, она съ весѣмъ большимъ удовольствіемъ приняла въ свое завѣдываніе домъ своего дяди въ Ингувиллѣ, откуда г-нъ Домера никогда не выѣзжалъ.

Возвратимся теперь къ рѣшеткѣ Рошвилльскаго замка.

Усатый молодчина, вообще имѣвшій видъ браконьера, пазывался Сильванъ. Позволивши въ колокольчикъ, онъ прислонился спиною къ одному изъ каменныхъ столбовъ и ждалъ, когда ему отопрутъ.

Его большая поджарая собака растянулась въ пыли

у его ногъ и, положивъ свою морду на вытянутыя лапы, закрыла глаза, какъ-бы заснула.

Но вдругъ собакою овладѣло какое-то непонятное безпокойство, котораго, повидимому, ничто неоправдывало. Она вскочила однимъ скачкомъ, понюхала во всѣхъ направленіяхъ воздухъ, но съ особенною внимательностью въ направленіи къ замку, бросилась къ рѣшеткѣ и просунула свою голову между перекладинами, которыя были слишкомъ тѣсно сближены, чтобы пропустить ея тощее тѣло. Шерсть на спинѣ собаки взъерошилась—вѣрный признакъ собачьяго гнѣва и ужаса. Собака выпускала какое-то яростное, хриплое, протяжное, зловѣщее ворчанье.

Сильвэнъ вадрогнулъ. Его брови сморщились и, когда собака опять заворчала, онъ сильно толкнулъ ее ногой, съ сердцемъ и бранью говоря:

— Тысячу громовъ, старый Раважо!... Ты замолчишь, и скорѣе!... Ну, живо же, смотри!... Кто только мнѣ подсунулъ такую дрянную и глупую собаку, которая ворчитъ на смерть среди бѣлаго дня?... Видано ли это!... Ну же, бездѣльникъ!... Назадъ, или я тебѣ!...

Собака повиновалась словамъ своего хозяина, а еще больше угрожающему жесту, который сопровождалъ его слова. Она опять улеглась возлѣ своего хозяина, обративъ морду къ рѣшеткѣ. Шерсть на ней оцѣтенилась еще больше, ноздри дрожали, глаза были неподвижно устремлены на одну точку и, не смѣя ворчать, она только какъ-то судорожно вздрагивала, и глухо стонала.

Прошло съ минуту.

Ни малѣйшаго движенія въ яблочной аллеѣ, которое показывало-бы, что въ замкѣ слышали призывный звонъ колокольчика!

— Ну!.. нетерпѣливо проворчалъ Сильвэнъ.

— Вѣрно Жакъ и Мариэтта сегодня завтракаютъ очень жирно!.. Тѣмъ неменѣе я позвонилъ такъ, что могъ бы разбудить глухихъ!.. Тѣмъ хуже, я начинаю....

И онъ позвонилъ опять съ крайнею силой.

Въ то время какъ онъ производилъ этотъ большой шумъ, къ рѣшеткѣ замка направлялась еще группа изъ трехъ лицъ.

Это были: молоденькій мальчикъ, лѣтъ пятнадцати въ бѣломъ передникѣ и съ большою корзиною на своей непричесанной головѣ; въ двухъ шагахъ за нимъ шла молоденькая дѣвушка съ корзиною въ лѣвой рукѣ и соломенною плетушкой въ правой; чрезъ ячейки плетушки видны были красивыя рыбки съ голубоватыми и серебристыми чешуйками.

Шестіе заключалъ деревенскій факторъ, котораго легко было узнать по его особенной формы кожанной обуви и по красному воротнику голубой блузы.

Новопришедшіе присоединились къ Сильвэну, который, видя, что и второй его призывъ остается безъ послѣдствій также, какъ и первый, нетерпѣливо топалъ ногою.

Новопришедшіе остановились въ четырехъ шагахъ отъ Сильвэна.

— Можно подумать, что вы здѣсь съ самаго ранняго

утра, господинъ охотникъ! смѣясь сказала ему молодая дѣвушка.... И почему бы вамъ дѣлать такое дурное и злое лицо?... Мы еще издали слышали, какъ вы бранились и клялись, какъ злой язычникъ....

— Почему-бы? грубымъ и рѣзкимъ тономъ прервалъ ее Сильванъ.—Да потому, что я дожидаясь уже пять минутъ, и это мнѣ непріятно!... Маленькая Жервэзъ, которая взята въ замокъ для тяжелыхъ и грубыхъ работъ, вчера вечеромъ приходила ко мнѣ заказать дичи къ столу Маріетты.... Еле забрежжился свѣтъ, я отправился на охоту... И вотъ заяцъ и пять куропа-токъ... Я обѣщалъ Жервэзъ придти въ восемь часовъ... теперь ровно восемь... Я звонилъ громко, очень громко—и меня заставляютъ любоваться дверью!! Кажется ли это вамъ смѣшнымъ?

Молодая дѣвушка, которую звали Кошеттой, съ лукавой усмѣшкой отвѣтила ему:

— Жервэзъ приходила также и къ моему отцу за рыбой, выйдя отъ васъ. Отецъ поставилъ вершу и забросилъ свои сѣти.... Вотъ грехоунтовый линь и двѣ животрепещущія форели, а въ моей корзинѣ четыре дюжины крупныхъ раковъ, какихъ не часто удается наловить!... Маріетта навѣрное будетъ довольна!...

— А у меня на головѣ бараній задъ въ шесть фунтовъ и большой кусокъ бычачьяго филе, съ законною гордостью заговорилъ мальчикъ въ бѣломъ передникѣ. Маленькая Жервэзъ сказала хозяину, что Маріетта приказала и не толковать о цѣнѣ, а прислать что ни на есть самый отборный кусокъ.

— Ахъ, чортъ возьми! вскричалъ Сильвэнъ... Это чуть-чуть не брачный пиръ!.. Не въ замѣ-ли буржуа?

— Жервэзъ говорила, что Мариетта ждетъ кого-то. Быть можетъ, что и г-нъ Домера прѣхалъ.

Теперь заговорилъ и деревенскій факторъ, который до сихъ поръ не открывалъ еще рта.

— Очень можетъ быть, сказалъ онъ... Я вчера принесъ письмо отъ него, помѣченное Парижемъ, къ Жаку Обри... О! Я знаю его руку и печать!.. И я васъ попрошу даже, мои друзья, такъ какъ намъ рѣшительно не хотять отворить, взять у меня вотъ это письмо и передать его по назначенію... Оно только что пришло изъ Гавра.... Мой обходъ такъ обширенъ и великъ!.. И если я буду по десяти минутъ дожидаться у каждой двери, то начальство непременно заподозритъ меня въ томъ, что я вмѣсто отправленія своихъ обязанностей разгуливаю по кабачкамъ, и нажалуется высшему начальству...

— Правда, правда, дядюшка Этьенъ!.. отвѣтилъ ему Сильвэнъ... Дайте письмо и не беспокойтесь, оно будетъ передано по назначенію...

— Большое вамъ спасибо, милѣйшій, и до свиданія!..

И деревенскій факторъ приподнялъ свою соломенную шляпу, вытрясъ пепель изъ своей трубки и скорымъ шагомъ направился далѣе.

Въ то время какъ происходилъ весь этотъ разговоръ, замокъ все еще оставался молчаливымъ, какъ будто это было жилище спящей въ лѣсу царевны, и яблочная аллея упрямо оставалась пустою.

— Ну, чортъ возьми, просто насмѣхаются надъ на-

ми! сердито вскричалъ Сильвэнъ... Тысячу громовъ! Но подождите, я прозакладаю что угодно, что заставлю наконецъ ихъ услышать!...

Въ самомъ дѣлѣ онъ опять принялся звонить и звонилъ секундъ двадцать—тридцать съ неистовою силой.

Когда онъ пересталъ звонить, до нихъ всѣхъ троихъ какъ-то смутно долетѣлъ какой-то слабый, неопредѣленный шумъ, какого-то страннаго свойства.

— Слышали? вскрикнулъ Сильвэнъ.

— Да, отвѣтила Колетта... мнѣ кажется.... да, я слышала что-то... но что же?

— Пожалуй что стонъ, пробормоталъ мальчикъ, принесшій мясо.

Въ ту же самую минуту Раважо, большая сухопарая собака, вскочила съ какою-то особенною яростью, прыгнула къ рѣшеткѣ и, просунувъ свою морду между перекладинами, испустила опять то-же зловѣщее рычаніе, которое такъ не понравилось ей господину не задолго передъ тѣмъ.

II.

Собака убита.

Сильвэнъ пришелъ просто въ ярость отъ этого несчастнаго неповиновенія, которое проявилось во второй разъ. Онъ яростно схватилъ собаку за ошейникъ и грубо отдернулъ ее назадъ, просто рискуя задушить ее, и съ такою силою отбросилъ ее, что несчастное животное скатилось въ глубокій ровъ, гдѣ и осталось неподвижное и дрожащее.

Послѣ того онъ внимательно сталъ прислушиваться къ долетѣвшему до нихъ шуму.

Но ничего не было слышно совсѣмъ...

Всѣмъ было извѣстно однако, какой тонкій слухъ былъ у него.

Всѣми троими стало овладѣвать какое-то смутное беспокойство.

— Все это какъ-то, пожалуй, и смѣшно, но совсѣмъ не естественно, первый заговорилъ Сильвэнъ.

— О, да!.. вовсе не естественно, подтвердила Колетта.

— Жакъ Ландри, продолжалъ Сильвэнъ, всегда на ногахъ съ самаго ранняго утра, зимою и лѣтомъ, это

всѣмъ извѣстно... Часто, проходя вдоль стѣны еще совсѣмъ ночью, я слыхалъ, какъ онъ, старый морякъ, посвистываетъ и разговариваетъ самъ съ собою, осматривая со всѣхъ сторонъ ограду....

— Мариетта тоже не-лѣнивица, прервала его Колетта, и вовсе не любитъ, чтобы ея коровѣ, козѣ и курамъ приходилось дожидаться своего утренняго корма...

— А Мунито!.. продолжалъ Сильвэнъ. — Мы его совсѣмъ забыли... Мунито, который на летающую муху способенъ лаять такъ долго и такъ сильно, что хрипѣть до слѣдующаго вечера, — Мунито не шевелится!.. Я звонилъ, какъ будто-бы за мной гналась цѣлая толпа разбойниковъ, а Мунито хоть-бы что нибудъ!.. Раважо ворчитъ и сердится какъ потерянный, а Мунито ничего!.. Что-бы это могло значить? Развѣ только Жакъ съ Мариеттой ушли куда-нибудъ, взявши съ собою и собаку?

Колетта отрицательно покачала головой.

— Вышли?... возразила она... И оба?... И куда бы имъ идти?... Но Мариетта покрайней мѣрѣ осталась бы въ замкѣ, чтобы подождать насъ! вѣдь она знала, что мы придемъ... И наконецъ, допустимъ и эту невозможность, что Жакъ съ Мариеттой ушли оба вмѣстѣ, они во всякомъ случаѣ позаботились бы оставить дома Мунито, чтобы стеречь домъ...

— Все это правда, проворчалъ Сильвэнъ, но тѣмъ не менѣе, видите, никто не шевелится.

— Ужъ не случилось-ли чего ночью? прибавилъ онъ какъ-то понизивъ голосъ.

— О, навѣрное! подтвердила Колетта, но чтоже?

— Да, нужно посмотрѣть....

— Ну же, посмотримъ...

— Но какъ?

— Намъ не отпирають и не отвѣчаютъ, попробуемъ войти сами.—Попробуйте, быть можетъ, можно будетъ отпереть рѣшетку, просунувъ чрезъ нее руку и приподнявъ засовъ.

Сильвэнъ попробовалъ предложенный ему маневръ, но безуспѣшно.

— Невозможно! сказалъ онъ, пожимая плечами. Не только нѣтъ ключа въ замкѣ, но вотъ еще, смотрите сами, маленькая цѣпь съ висячимъ замкомъ... Нужно цѣлую пушку, чтобы сломать это!...

— Скажите же, Сильвэнъ, есть ли у Жака Ландри обычай принимать столько предосторожностей противъ воровъ?

— Я въ первый разъ вижу эту цѣпь и этотъ замокъ, и со стороны Жака Ландри это меня удивляетъ тѣмъ болѣе, что уже давно въ нашей странѣ не слышно и разговоровъ о какихъ либо негодяхъ. Какого же чорта, прости меня Пресвятая Богородица, могъ опасаться онъ, старый матресь?...

— Сильвэнъ, я боюсь....

— Ну, не должно заходить въ предположенiяхъ слишкомъ далеко.... Быть можетъ нѣтъ и ничего такого, что мы предполагаемъ.... При томъ, подождите... На войнѣ, такъ по военному... Впередъ, на стѣну!...

И уперевъ свое ружье въ стѣну, Сильвэнъ обѣими руками схватился за желѣзную перекладину и съ уди-